

Снижение социального неравенства: роль ЦУР ООН в достижении цели

Reducing social inequality: the role of the UN SDGs in achieving the goal

Тагирова М.М-Т.

Бакалавр, Институт общественных наук, направление «Публичная политика и государственные стратегии», ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва
e-mail: marina.tagirova.03@inbox.ru

Tagirova M.M-T.

Bachelor's Degree Student, Institute of Social Sciences, Public Policy and State Strategies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow
e-mail: marina.tagirova.03@inbox.ru

Павлова А.М.

Студент, Институт общественных наук, направление «Публичная политика и государственные стратегии», ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва
e-mail: anastasia2384@bk.ru

Pavlova A.M.

Student, Institute of Social Sciences, direction "Public Policy and State Strategies", Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow
e-mail: anastasia2384@bk.ru

Воротников А.М.

Канд. хим. наук, доцент кафедры государственного управления и публичной политики Института общественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», координатор, АНО «Экспертный центр-проектный офис развития Арктики (ЭЦ ПОРА)», г. Москва
e-mail: vdep14@yandex.ru

Vorotnikov A.M.

Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration and Public Policy of the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Coordinator, Expert Center-Project Office for Arctic Development (EC PORA), Moscow
e-mail: vdep14@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрен вопрос, связанный с ролью социального неравенства в жизни общества. Цели устойчивого развития ООН, как один из инструментов урегулирования общественно-значимых волнений, призваны обеспечить преодоление данного явления. Цель данной статьи заключается в том, чтобы исследовать роль программного и проектного подхода в снижении социального неравенства в контексте достижения Целей устойчивого развития ООН, а также проанализировать механизмы государственно-частного взаимодействия и практики GR как элементов комплексной архитектуры устойчивого развития. Работа строится на анализе

нормативной базы, российского и зарубежного опыта, выделении актуальных проблем и определении перспектив развития в данной сфере.

Ключевые слова: социальное неравенство, ЦУР ООН, Government Relations (GR), инклюзивность, государственно-частное партнерство, проектно-программный подход.

Abstract

The article provides for consideration of the issue related to the role of social inequality in the life of society. The UN Sustainable Development Goals, as one of the tools for resolving socially significant unrest, are designed to overcome this phenomenon. The purpose of this article is to explore the role of programmatic and project-based approaches in reducing social inequality in the context of achieving the UN Sustainable Development Goals, as well as to analyze the mechanisms of public-private interaction and GR practices as elements of an integrated sustainable development architecture. The work is based on an analysis of the regulatory framework, Russian and foreign experience, highlighting current problems and determining development prospects in this area.

Keywords: social inequality, UN SDGs, Government Relations (GR), inclusivity, public-private partnership, project-programmatic approach.

Введение

Социальное неравенство — одно из системных препятствий на пути к устойчивому развитию как на глобальном, так и на национальном уровне. Углубление различий в доступе к образованию, здравоохранению, достойному труду, инфраструктуре и другим общественным благам формирует риски для экономического роста, подрывает доверие к государственным институтам и усиливает социальную напряжённость. В условиях многоуровневых вызовов — от последствий пандемии до геополитической нестабильности и климатических угроз — поиск эффективных инструментов снижения неравенства приобретает ключевое значение для выстраивания инклюзивной и справедливой модели развития.

Цели устойчивого развития (ЦУР), сформулированные Организацией Объединённых Наций в Повестке дня на период до 2030 г., закрепляют комплексный подход к решению проблем неравенства. Особенно значимыми в этой связи выступают цели (ЦУР ООН №1 (ликвидация нищеты), №5 (гендерное равенство), №10 (сокращение неравенства внутри стран и между ними), а также №17 (партнёрство в интересах устойчивого развития), предполагающие не только реализацию социально ориентированной политики, но и формирование институциональных механизмов взаимодействия между государством, бизнесом и гражданским обществом.

Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления моделей управления территориальным и социальным развитием в условиях ограниченных ресурсов и растущих ожиданий населения. В этом контексте особую значимость приобретает программный и проектный подход как управленческий инструмент, обеспечивающий целеполагание, ресурсную концентрацию и результативность реализации национальных и международных инициатив. С учётом российской специфики — масштабности территорий, дисбаланса развития регионов, неравномерности распределения социальных благ — внедрение такого подхода позволяет повысить адресность и эффективность мер, направленных на преодоление неравенства.

Нормативно-правовое регулирование снижения социального неравенства в контексте ЦУР ООН

Формирование правовых и стратегических основ устойчивого развития, направленного на снижение социального неравенства, представляет собой сложный многоуровневый процесс, в котором взаимодействуют международные обязательства, национальные приоритеты и институциональные механизмы. В основе такой политики лежит стремление к балансу между экономическим ростом, социальной справедливостью и ответственным

природопользованием. Поскольку проблема неравенства носит глобальный и комплексный характер, её решение требует сквозной интеграции в стратегические документы всех уровней — от глобальных договоренностей до региональных программ социального развития.

Основным международным документом, задающим вектор политики в сфере сокращения неравенства, является Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., утвержденная резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES/70/1 от 25 сентября 2015 г. [1]. Этот документ стал логическим продолжением Целей развития тысячелетия (ЦРТ) и включил в себя 17 целей и 169 задач, направленных на обеспечение устойчивого и инклюзивного развития человечества.

В контексте рассматриваемой темы ключевыми являются следующие положения:

- ЦУР №1 закрепляет задачу ликвидации всех форм нищеты в мире, что является фундаментальным элементом социальной политики.
- ЦУР №5 направлена на достижение гендерного равенства и расширение прав женщин, как фактор инклюзии и равного доступа к возможностям.
- ЦУР №10 прямо указывает на необходимость сокращения неравенства как внутри стран, так и между ними. В качестве задач зафиксированы обеспечение равного доступа к экономическим ресурсам, устранение дискриминационных практик, продвижение социальной, экономической и политической инклюзии.
- ЦУР №17 подчёркивает важность международного и межсекторного партнёрства, что предполагает активное участие бизнеса, научного сообщества и органов власти в совместной реализации программ.

Следует отметить, что в документах ООН подчёркивается необходимость формирования целевых индикаторов, позволяющих измерять прогресс, включая долю населения с доходами ниже национального медианного уровня, охват программами социальной защиты, участие женщин в управлении и пр. Эти индикаторы легли в основу национальных мониторинговых систем, в том числе в России [9].

На национальном уровне основные ориентиры государственной политики по снижению неравенства определяются в рамках Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [10]. Документ обозначает в числе приоритетов снижение уровня бедности, повышение ожидаемой продолжительности жизни, улучшение качества образования и условий труда, что напрямую соотносится с положениями ЦУР.

Важнейшими инструментами реализации этих целей выступают национальные проекты, представляющие собой совокупность программных мер с чёткими целевыми установками, индикаторами и временными рамками. Среди них следует выделить:

- Национальный проект «Демография», предусматривающий меры поддержки семей, развитие системы долговременного ухода, стимулирование рождаемости и повышение качества жизни пожилого населения [7].
- Национальный проект «Здравоохранение», в котором предусмотрены меры по обеспечению равного доступа к медицинской помощи, в том числе в сельской местности.
- Национальный проект «Образование», целью которого является снижение образовательного неравенства и формирование социальных лифтов.

Дополнительно следует отметить принятые стратегии социально-экономического развития отдельных макрорегионов, включая Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 г., в которой отдельно указана необходимость выравнивания уровня жизни на отдалённых и труднодоступных территориях [13].

Отдельное значение имеет Концепция устойчивого развития Российской Федерации, формирующая принципы баланса между экономикой, социальной политикой и охраной окружающей среды. Хотя данный документ не имеет нормативного статуса, он активно используется при обосновании программ и проектов в рамках регионального планирования.

Для достижения поставленных целей важную роль играет внедрение программно-проектного подхода, ориентированного на результат и обеспечивающего ресурсную концентрацию. В российской практике всё чаще используется механизм проектных офисов, ответственных за реализацию конкретных программ в социальной сфере. Например, проектный офис при Минтруде России координирует реализацию инициатив по поддержке занятости уязвимых категорий населения.

Государственно-частное партнёрство (ГЧП) выступает инструментом привлечения ресурсов и управленческих компетенций бизнеса к решению задач, направленных на сокращение неравенства. Примеры таких инициатив включают проекты по строительству и эксплуатации социальных объектов (школ, поликлиник), развитие транспортной доступности и цифровой инфраструктуры. Федеральный закон №224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве» от 13 июля 2015 г. создал нормативную основу для реализации таких проектов [11].

Не менее важным направлением является Национальная технологическая инициатива (НТИ), фокусирующаяся на создании условий для развития высокотехнологичных рынков будущего [8]. Несмотря на технологическую направленность, многие инициативы НТИ содержат социальную компоненту — развитие цифрового образования, повышение доступности медицины, устранение цифрового неравенства.

Наконец, особую роль в реализации проектов снижения социального неравенства играют механизмы GR (government relations). Они обеспечивают двустороннюю коммуникацию между государственными органами и частными или общественными структурами. Формализация и институционализация такого взаимодействия (например, через общественные советы, отраслевые союзы, участие в законотворчестве) позволяет учитывать интересы различных групп и добиваться большей адресности и эффективности программ.

Таким образом, в российской правовой и стратегической системе заложены значимые основы для реализации комплексных программ по снижению неравенства. Однако эффективность этих мер во многом определяется не только наличием нормативной базы, но и уровнем институциональной зрелости, способностью к межсекторальному взаимодействию и практическому использованию проектного подхода в управлении.

Российский и зарубежный опыт в сфере снижения социального неравенства: сравнительный анализ

Политика сокращения социального неравенства реализуется по-разному в различных странах мира, что обусловлено отличиями в институциональной архитектуре, уровне экономического развития, структуре занятости и социальной модели государства. Несмотря на универсальность принципов, заложенных в Целях устойчивого развития ООН, механизмы достижения этих целей, в том числе применение программного и проектного подхода, варьируются. Анализ сопоставимого международного и российского опыта позволяет выявить как продуктивные практики, так и системные ограничения.

Наиболее развитые модели социальной политики, ориентированные на снижение неравенства, продемонстрировали страны Северной и Западной Европы. В частности, Швеция, Дания и Нидерланды исторически придерживаются подхода, при котором государство обеспечивает высокий уровень перераспределения через налогово-бюджетную систему, гарантируя доступ к образованию, здравоохранению и системе социальной защиты независимо от уровня дохода гражданина.

Одной из ключевых особенностей этих моделей является чётко выстроенная система межведомственного взаимодействия и участие частного сектора через механизмы социального партнёрства. Например, в Финляндии действует модель так называемого «инклюзивного государства», при которой каждая новая программа в социальной сфере проходит обязательное обсуждение с представителями бизнеса и профессиональных объединений, а реализация программ происходит через систему целевых социальных контрактов.

Значительное внимание уделяется оценке воздействия на уязвимые группы населения, что формализуется в виде инструмента Social Impact Assessment (SIA), обязательного при запуске любого крупного социального проекта. Этот инструмент обеспечивает адресность и эффективность вмешательств.

Кроме того, международная практика активно использует проектный подход, но в более гибком формате, чем это принято в России. Например, в Канаде и Германии существует практика «живых лабораторий» (Living Labs), где новые формы социальной политики тестируются в реальных условиях с участием целевых групп [3].

Отдельно стоит рассмотреть опыт стран Юго-Восточной Азии, в частности Сингапура, где политика социального равенства строится на механизмах стимулирования участия граждан в трудовой и предпринимательской активности при активной государственной поддержке в сферах образования, медицины и жилищной политики. Государство здесь выступает не только гарантом социальных прав, но и активным инвестором в человеческий капитал. Значительную роль играют программы социального инвестирования, реализуемые в партнёрстве с частным бизнесом.

В Российской Федерации политика, направленная на сокращение социального неравенства, исторически развивалась в рамках государственной социальной политики, сосредоточенной на поддержке определённых категорий населения — малоимущих, многодетных семей, пенсионеров, инвалидов. Несмотря на разнообразие инициатив, подходы остаются преимущественно централизованными, с ограниченным участием негосударственных акторов [4].

С 2018 г. акцент был сделан на национальные проекты, ставшие основной платформой для реализации ЦУР в российском контексте. Программный подход в этой системе действительно присутствует, однако он часто ограничивается административной отчётностью, а не гибким управлением изменениями. Проекты реализуются по жёстко заданным параметрам, слабо учитывая местные условия и инициативу регионов.

Кроме того, в России пока недостаточно развиты механизмы оценки социального воздействия (SROI, Social Return on Investment), хотя отдельные попытки внедрения этих инструментов предпринимались на региональном уровне (например, в рамках пилотных проектов в Татарстане и Ханты-Мансийском автономном округе).

Отдельной проблемой остаётся недостаточная институционализация партнёрств с бизнесом. Несмотря на наличие законодательства о ГЧП и практике заключения концессионных соглашений, большинство бизнес-структур рассматривают участие в социальных инициативах как элемент корпоративной социальной ответственности, а не как стратегическую инвестицию. Также недооценён потенциал GR-механизмов, позволяющих согласовывать интересы частного сектора и государства в рамках формирования социальных программ.

Сравнительный анализ позволяет выделить несколько ключевых отличий между российской и зарубежной практикой:

Сравнительный анализ российской и зарубежной практики (составлена авторами)

Параметр сравнения	Зарубежный опыт (ЕС, Канада, Азия)	Российская практика
Уровень межсекторального взаимодействия	Высокий, институционализированный	Средний, фрагментарный
Форматы проектного управления	Гибкие, экспериментальные (living labs)	Централизованные, регламентированные
Оценка воздействия	Встроенные инструменты (SIA, SROI)	Используются эпизодически
Роль бизнеса	Полноценный партнёр, инвестор	В основном благотворитель или подрядчик
Вовлечённость гражданского общества	Системная, через формализованные процедуры	Ограниченная, преимущественно декларативная

Несмотря на институциональные различия, Россия располагает потенциалом для адаптации лучших международных практик с учётом собственных условий. В частности, возможно развитие механизмов гибкого проектного управления, усиление роли оценки социальных эффектов, формирование устойчивых платформ для взаимодействия государства, бизнеса и НКО. Также особое внимание должно быть уделено созданию местных моделей снижения неравенства, адаптированных под специфику регионов.

Существующие проблемы в сфере снижения социального неравенства

Несмотря на декларируемые цели и реализуемые на различных уровнях программы, проблема социального неравенства остаётся одной из наиболее устойчивых и сложно поддающихся решению как в международной практике, так и в российском контексте. Причины этого заключаются не только в объективных экономических диспропорциях, но и в ряде системных, институциональных и управленческих ограничений [2]. В ключевые барьеры, затрудняющие достижение ЦУР ООН в части выравнивания социально-экономических условий, по мнению авторов, следующие:

1. Скрытое неравенство и слабость систем мониторинга

Современные системы статистического и программного учёта неравенства зачастую ограничиваются базовыми показателями: уровнем доходов, уровнем бедности, доступом к базовым услугам. Однако значительная часть неравенства носит латентный (скрытый) характер — оно проявляется в ограничениях доступа к качественному образованию, инфраструктуре, возможностям профессионального роста и социального участия.

Существующие механизмы мониторинга в России преимущественно количественные и не охватывают аспекты структурной дискриминации, таких как территориальное, гендерное, возрастное и этнокультурное неравенство. Это затрудняет целевое проектирование и реализацию программ, поскольку в их основе лежат неполные данные о социальной среде.

2. Неравномерность территориального развития

Особо остро проблема неравенства проявляется на уровне регионов и муниципалитетов. В России зафиксированы устойчивые социально-экономические диспропорции между субъектами Федерации, а также между центрами и периферией внутри самих регионов.

Сравнение доходов, уровня занятости, доступности медицинских и образовательных услуг в крупных городах и сельских населённых пунктах демонстрирует существенные различия.

Отсутствие адаптированных региональных моделей борьбы с неравенством и централизованный характер реализации национальных проектов приводят к тому, что часть регионов остается на периферии процессов развития, а получаемая ими поддержка не носит трансформирующего характера.

3. Ограниченная институциональная координация

Одна из ключевых проблем в управлении социальным развитием — отсутствие комплексного межведомственного подхода. Несмотря на существование профильных федеральных и региональных программ, между различными органами власти (Министерство труда и соцзащиты, Минздрав, Минобрнауки и др.) нередко наблюдается дублирование функций, слабая интеграция данных и недостаточная согласованность действий.

Подобная фрагментация снижает эффективность реализации программ и препятствует формированию целостной модели управления устойчивым развитием. Аналогичная ситуация наблюдается и в международной практике, если отсутствует механизм координации между федеральным и местным уровнями власти, а также бизнесом и НКО.

4. Низкий уровень участия граждан и слабость институтов солидарности

Важным фактором устойчивого развития является вовлечённость граждан в процесс формирования и контроля за реализацией социальных инициатив. Однако в России уровень общественного участия в принятии решений по вопросам социальной политики остаётся низким. Общественные слушания, опросы, механизмы обратной связи либо отсутствуют, либо носят формальный характер. Это снижает легитимность принимаемых решений и ограничивает адаптацию программ под реальные запросы населения.

Кроме того, институциональная база некоммерческого сектора (НКО, благотворительные фонды, социальные предприниматели) пока не обладает достаточными ресурсами и правовыми инструментами для полноценного участия в реализации проектов, направленных на сокращение неравенства.

5. Недостаточная гибкость проектного управления

Несмотря на внедрение проектного подхода в реализацию национальных и региональных инициатив, он нередко используется в формализованной, бюрократизированной форме. Проекты подчиняются заранее заданной структуре, с жёсткими индикаторами, без возможности быстрой адаптации к изменяющимся условиям.

В результате многие проектные решения становятся инерционными, не отвечающими потребностям целевых групп, особенно в условиях кризисов — пандемии, миграционных изменений, экономических потрясений. Недостаток обратной связи и слабое применение инструментов оценки воздействия усугубляют ситуацию.

6. Ограниченное, часто только декларируемое, участие бизнеса в решении социальных задач

Несмотря на потенциально высокую роль частного сектора в снижении неравенства, в России сохраняется консервативное понимание социальной ответственности бизнеса, сводящееся, как правило, к благотворительности или спонсорству. При этом механизмы государственно-частного партнёрства редко используются для реализации инициатив именно в социальной сфере [6].

Бизнес не рассматривает социальную сферу как стратегическую область инвестиций, а действующие инструменты GR (взаимодействия с государством) в большинстве случаев сводятся к лоббированию налоговых и регуляторных преференций, а не к выстраиванию устойчивых социальных партнёрств.

Перспективы развития сферы снижения социального неравенства и роль программного и проектного подхода

Современные вызовы устойчивого развития требуют не просто адаптации существующих стратегий, а выстраивания новых управленческих моделей, в центре которых — целевая направленность на сокращение социального неравенства. Долгосрочные перспективы в этой сфере зависят от способности институтов власти, бизнеса и общества переходить от фрагментарных решений к системному подходу, основанному на принципах программного и проектного управления, партнёрства и институциональной гибкости.

Одним из ключевых направлений трансформации политики сокращения неравенства, по нашему мнению, является формирование многоуровневых программ с чёткими целями, индикаторами, механизмами межсекторальной координации и возможностью гибкой адаптации. На федеральном (национальном) уровне это требует, по мнению авторов, переосмысления структуры и логики национальных проектов, включения в них компонентов оценки социального воздействия, а также институционализации роли региональных и муниципальных органов в формировании повестки.

Развитие программ должно сопровождаться обязательным, по нашему мнению, внедрением цифрового мониторинга, позволяющих не только оперативно собирать данные, но и анализировать динамику изменений по ключевым социальным параметрам. Такие системы создадут основу для перехода от реактивного к проактивному управлению.

Программно-целевое планирование позволяет выстраивать долгосрочные траектории снижения неравенства, структурируя ресурсы, роли участников и ожидаемые результаты. В этой логике важно обеспечить не просто формальное выполнение задач, но и встроенную адаптацию на основе оценки результатов и обратной связи от целевых групп [5].

Проектный подход, в свою очередь, необходим для решения специфических задач в ограниченном временном горизонте. Однако для эффективной реализации требуется отход от жёсткой централизованности в сторону инновационного проектного менеджмента, использующего методы гибкой разработки (agile), пилотирования (living labs) и мультиакторного взаимодействия. Это особенно актуально в условиях территориального разнообразия, когда одна и та же модель может по-разному работать в мегаполисе и в сельской глубинке.

Бизнес в XXI в. должен становиться не просто участником, а со-партнёром в решении социально значимых задач. Для этого необходимо создать устойчивую экосистему государственно-частного партнёрства (ГЧП) в социальной сфере. Это означает переход от разовых соглашений к институциональным платформам, на которых бизнесу будет предложено участвовать в проектах с прогнозируемой отдачей — не только финансовой, но и социальной.

Одной из перспективных форм является развитие механизмов социального инвестирования, где эффективность проекта оценивается не только по экономическим метрикам, но и по достигнутому общественному эффекту (SROI — social return on investment). Для этого необходимо совершенствовать нормативную базу, в том числе в части налогового стимулирования социально ориентированных инвестиций.

Government Relations (GR) — ключевой инструмент выстраивания диалога между государством, бизнесом и обществом. В контексте задач по снижению неравенства GR должен выполнять не только представительские функции, но и интеграционную роль, обеспечивая согласование интересов, поддержку общественного консенсуса и трансляцию проблемных сигналов от граждан в систему принятия решений [12].

Перспективным направлением здесь выступает формирование публичных консультативных платформ, где представители всех заинтересованных сторон смогут участвовать в оценке программ, планировании новых инициатив и общественном контроле. Это позволит повысить легитимность решений, улучшить качество проектных моделей и укрепить институциональное доверие.

Решение проблемы неравенства требует не только административных и финансовых усилий, но и культурной трансформации, формирующей установку на солидарность, инклюзивность и участие. Это невозможно без поддержки таких изменений через образовательные, медийные и просветительские проекты, направленные на формирование новой социальной чувствительности.

Таким образом, только в рамках системной программы устойчивого развития, основанной на интеграции проектных подходов, партнерства с бизнесом и эффективных GR-решений, возможно, по нашему мнению, достижение осязаемого прогресса в сокращении социального неравенства. Это не одномоментная задача, а направление, требующее институционального терпения, ресурсов и политической воли.

Заключение

Снижение социального неравенства — один из фундаментальных вызовов современности, стоящий на стыке экономической эффективности, социальной справедливости и политической устойчивости. Оно рассматривается не только как самостоятельное направление государственной политики, но и как системообразующее условие для достижения всех остальных Целей устойчивого развития ООН. Анализ международных и российских документов, практик и инструментов показывает, что прогресс в этой сфере требует не столько количественного наращивания мер, сколько качественного переосмысления управленческих подходов и логики взаимодействия между ключевыми участниками — государством, бизнесом, гражданским обществом и международными организациями.

В российском контексте, несмотря на существование масштабных стратегий, национальных проектов, программ и указов Президента РФ, социальное неравенство сохраняется на высоком уровне, проявляясь как в межрегиональных различиях, так и в неравном доступе к услугам и возможностям внутри самих территорий. Ключевыми барьерами остаются слабая координация между ведомствами, ограниченность институционального участия бизнеса и НКО в решении социальных задач, формализованный характер реализации проектных инициатив, а также недостаточный уровень прозрачности и обратной связи от граждан.

Тем не менее, потенциал для преобразований значителен. Перспективным направлением становится внедрение программно-проектного управления, способного обеспечить системность, измеримость и гибкость решений. Такой подход позволяет не просто реализовывать мероприятия, но и выстраивать устойчивую архитектуру социальных изменений, включающую инструменты мониторинга, оценки эффективности, адаптации и тиражирования лучших практик. Особенно важным, по мнению авторов, является развитие государственно-частного партнерства (ГЧП) в социальной сфере, в том числе через механизмы социального инвестирования и корпоративной ответственности бизнеса.

Не менее значима и роль GR — как инструмента институционального посредничества, способного превратить интересы различных социальных групп в согласованную программу действий. Именно через эффективную коммуникацию и консолидацию возможен переход к инклюзивной модели развития, в которой сокращение неравенства становится не только государственной задачей, но и общенациональной ценностью.

Таким образом, реализация ЦУР ООН в части сокращения социального неравенства требует системной трансформации подходов к развитию территорий, усиления проектной культуры, укрепления межсекторальных связей и формирования устойчивой институциональной среды, способной гибко реагировать на вызовы и эффективно использовать доступные ресурсы. Это направление должно рассматриваться как стратегический приоритет, определяющий траекторию долгосрочного социального, экономического и политического развития России в XXI в.

Литература:

1. Agenda 2030: Transforming our world. Resolution adopted by the UN General Assembly on 25 September 2015. — A/RES/70/1. — United Nations, 2015. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda>
2. Atkinson A.B. Inequality: What Can Be Done? — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015. — 384 p.
3. Stiglitz J.E. Globalization and Its Discontents Revisited: Anti-Globalization in the Era of Trump. — New York: W.W. Norton & Company, 2018. — 528 p.
4. Глущенко Ю.В. Социальное неравенство в современной России: тенденции, вызовы, приоритеты государственной политики // Общество и экономика. — 2023. — № 1. — С. 13–28.
5. Кузнецова И.А., Яковлева Н.А. Программно-целевое управление в контексте устойчивого развития территорий // Управленческое консультирование. — 2022. — № 11 (185). — С. 49–60.
6. Мишуров А.Н., Коренева Т.А. Государственно-частное партнёрство в социальной сфере: опыт, проблемы, перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2021. — № 4. — С. 87–102.
7. Национальный проект «Демография»: паспорт, утверждённый Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол № 16 от 24.12.2018 г.) // Министерство труда и социальной защиты РФ. — URL: <https://mintrud.gov.ru/national-projects/demography>
8. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 «О национальной технологической инициативе» // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 17. — Ст. 2025.
9. Стратегия устойчивого развития Российской Федерации на период до 2030 года: проект / Минэкономразвития России. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://strategy2030.ru> (дата обращения: 20.05.2025).
10. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 20. — Ст. 2817.
11. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 29 (ч. I). — Ст. 4349.
12. Якимец В.Н., Шубникова Е.В. Институциональные подходы к снижению социального неравенства: российская специфика и международные ориентиры // Научные труды ИПЭИ РАН. — 2023. — № 2 (54). — С. 77–92.
13. Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» от 26.10.2020 № 645 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 1990 г. - с изм. и допол. в ред. от 12.11.2021.